В голове Наруто звучит голос, который всегда был рядом с его мыслями.

Когда он маленький, его легко игнорировать, легко не замечать, потому что он не говорит многого, а Наруто редко понимает, когда он говорит. Поэтому он бегает, играет, не обращает внимания на то, как на него смотрят, и это просто. Не совсем просто, но достаточно близко, чтобы считать. Он ребенок, живущий сначала в приюте, а потом самостоятельно, и если он немного лучше других детей справляется с домашними делами, уборкой и тому подобным, он считает это практикой, если вообще задумывается об этом.

Но в снах это приходит к нему чаще, чем в бодрствующем состоянии, и там он не пытается отгородиться от этого или заглушить, потому что эти сны прекрасны. Остров под ярким летним солнцем, город на море с лазурными водами вокруг. Город в белых, красных и золотых тонах, построенный на террасах, поднимающихся от кромки океана к окружающим холмам.

Чаще всего ему снится, что он там. Ему снится, что он ходит по улицам, бегает по ним вместе с другими детьми его возраста, пробирается сквозь толпы мирных жителей и уворачивается от групп шиноби, носящих незнакомый ему символ, хотя он кажется ему до ужаса знакомым и таит в себе сожаление. Дети бегут, и он идет с ними, чаще всего ведет их за собой, и вместо черных и каштановых волос, обычных для Конохи, у окружающих его людей рыжие, светлые или даже более странные цвета.

И они улыбаются, эти люди. Они улыбаются и смеются над Наруто, ерошат его волосы и здороваются, а ведь такого в Конохе еще никогда не было. Наруто тоже улыбается в ответ без страха и колебаний, отвечая на их волны и смех своими. Он бегает и играет с другими детьми - своими друзьями, чего в Конохе тоже никогда не случалось - с момента восхода солнца до момента его захода, а затем возвращается к огромному величественному зданию, возвышающемуся над окрестностями, словно дворец.

Там есть и другие дети, некоторые из них - его друзья, а некоторые - просто знакомые, и они едят за длинным столом, заставленным едой. Мужчины и женщины в яркой униформе наблюдают за ними, смеются вместе с ними, играют с ними, и Наруто думает, что это место - детский дом, но он сильно отличается от того, который он знает, - более светлый, чистый и счастливый, с шиноби в качестве воспитателей вместо гражданских лиц.

Наруто мечтает о смехе и дружбе, о людях, которые проникают в его сердце и занимают место, становятся дороже воздуха и даже дороже.

А потом он просыпается в пустой квартире, которая слишком велика для него одного, холодные взгляды, пустые глаза и темный шепот, когда он поворачивается спиной, дети, которые избегают его, и родители, которые уводят свои семьи за руку, и это...

Это больно. Болит, болит и болит, и Наруто не думает, что это та вещь, которую можно так просто забинтовать и вылечить.

Но он все равно бежит и смеется - эхо его ярких и прекрасных снов, перенесенных в холодный

и тоскливый свет реальности. Он притворяется, что у него есть друзья, и разыгрывает их, и бегает, и старается не слушать голос, который стучит у него в голове и шепчет - не домой, не домой, не домой, иди, иди, иди домой, и я найду счастье.

Холодные глаза, холодные сердца и еще более холодное одиночество наяву.

Радость, доброта и комфорт - в его снах.

Иногда Наруто задается вопросом, зачем он вообще просыпается.

(Он умирает на волосок от смерти, и никому до этого нет дела.)

Но потом кому-то становится не все равно, и это уже лучше. Академия - это хорошо, а Ирука-сенсей - еще лучше. Люди там не так много шепчутся, хотя некоторые из них и поглядывают, а Ирука, по крайней мере, относится ко всем одинаково. Некоторые из детей тоже его не сторонятся, а их родителям, похоже, все равно, лишь бы они не проводили слишком много времени вместе.

Но это еще хуже, потому что голос в голове Наруто звучит сильнее, когда он слушает учителей. Лекции сводят его с ума, потому что учитель говорит об одном, а голос в его голове заполняет все остальное, нагромождая информацию до тех пор, пока голова Наруто не забьется и он ничего не сможет вспомнить. Он постоянно отвлекается, слушает голос, а не инструктора чуунина, и они огрызаются, рычат и кричат на него за это, даже если он не виноват. Голос чаще всего интереснее, его легче понять, почти как запомнить, а не выучить.

Чакра, - произносит кто-то, и через мгновение в голове Наруто проносятся сродства стихий, и циклы, и различные классификации силы в зависимости от рангов, и теория чакры для начинающих, и...

Пытаясь разобраться во всем этом, он пропускает вопрос учителя и получает неодобрительный хмурый взгляд.

Они дают тест по теории тайдзюцу, и Наруто, глядя на вопросы, вдруг вспоминает сотню различных форм и соответствующих им ката, наиболее подходящие варианты применения в зависимости от ситуации и историю, стоящую за каждой последовательностью и...

Его тест оказывается практически пустым, с рядом фигурок в боевых позах, нарисованных по внешним краям. (Учителя, не знакомые с родоначальным стилем, не замечают, что это ката тайдзюцу ранга ""А"" из города, потерянного десятилетия назад, и ставят нули, покачивая головой).

("Умный", - нехотя говорит Сарутоби один из старших инструкторов, когда он спрашивает. "Начитанный, я думаю. Определенно знает больше, чем большинство, но ленив. Не применяет себя".

Сарутоби, слишком занятой человек, чтобы быть чем-то вроде далекого дедушки, вздыхает и трет глаза. Минато был гением, и можно ожидать, что в его сыне будет хотя бы немного от этого. Но Наруто еще ребенок, он еще не знает, кем он является и кем может стать, и Сарутоби не собирается давить на него. Пусть у мальчика будет столько детства, сколько он сможет. Он собирается стать шиноби, так что оно, скорее всего, будет короче, чем у других).

Уроки по запечатыванию - худшие из всех. Наруто высиживает первые три, но только потому, что голос в его голове рычит "нет, нет, нет, это не правильно, это не так работает, что ты говоришь, ты идиот", и желание сказать это вслух просто непреодолимо. Но, несмотря на свою неопытность в общении с другими людьми за пределами своих красивых мечтаний, Наруто уже знает, что его мнение далеко не всегда ценится этим учителем, и вместо этого отворачивается, планирует шалости и сосредотачивается на других вещах.

Не стоит и говорить, что он проваливает и этот предмет.

Кунаи и сюрикены даются ему легко, потому что это просто - он слушает голос, часы тренировок во сне и наяву, понимание собственного тела, которое приходит из снов-воспоминаний о тренировках. К тому же у него особое чутье на сенбон, почти пугающая для почти двенадцатилетнего подростка точность, позволяющая ему каждый раз попадать в цель по центру. Это даже лучше, потому что, несмотря на базовую стойку, все люди разные и бросают немного по-разному, и Ирука-сенсей не пытается заставить его изменить то, как он это делает. Ирука-сенсей улыбается ему, протягивает руку, ерошит его волосы и говорит: "Молодец" - с такой теплотой, что Наруто замирает, не привыкший слышать это не во сне.

Он улыбается в ответ, широко, ярко и восхищенно, и думает: "Драгоценно.

http://tl.rulate.ru/book/105581/3754776